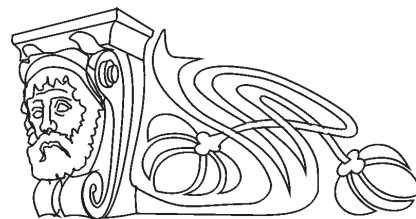

УДК 111.1+101.2+929 Хайдеггер

ХАЙДЕГГЕР, НИГИЛИЗМ И ЗАВЕРШЕНИЕ ОНТО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЕКТА МОДЕРНА

Косыхин Виталий Георгиевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и методологии науки, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: Kosyhinvg@rambler.ru

В статье рассматривается различие философских проектов модернизма и постмодернизма посредством анализа понятия онто-историчности характерного для модернистского типа онтологического мышления. Утверждается, что хайдеггеровская философия бытия выступает в качестве пограничного состояния между онтологическими поисками модерна и их восприятием современной онтологией, что и определяет ее значение. Анализируется критика М. Хайдеггером тезисов о бытии в классической онтологии и критика фундаментальной онтологии со стороны философии постмодернизма и деконструкции. Показана взаимосвязь онто-историзма с трактовкой нигилизма в философии Ф. Ницше и М. Хайдеггера. Выявляется специфика модернистского и постмодернистского типов отношения к истории философии, нигилизму и преодолению метафизики. Таким образом, в случае с модернизмом и постмодернизмом перед нами предстают два типа современности, разделяемые своим отношением к истории. В модернизме речь идет о своего рода «эвклидовой геометрии» линейной истории, продолжающей себя в будущее. Постмодернизм понимает историю нелинейно, смешивая разные исторические пласты, допуская возможность начинать историю с любого места в рамках преодоления модернистского мифа об абсолютности начала. Современное состояние философии понимается как ситуация завершения онто-исторического проекта модерна.

Ключевые слова: нигилизм, онто-историзм, модернизм, постмодернизм, деконструкция.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-393-397

Философия М. Хайдеггера в контексте современных вопросов и поисков онтологии производит двойственное впечатление. С одной стороны, неразрывно связанная с эпохой модерна, мысль Хайдеггера погружена в измерение онтологической историчности, интерпретируемой, скорее, в ницшеанском, чем гегелевском духе, как разворачивание этапов неизбежно прогрессирующего нигилизма. С другой стороны, связь истины бытия с возможностями языкового выражения, вопросительность (Fraglichkeit) как магистральный путь мышления и связь онтологии с событием (Ereignis) пролагают дорогу к постмодернистской критике историчности и нигилизма. Дорогу, надо сказать, достаточно прямую, если сконцентрировать внимание на возможностях языка, умножить вопросительность и лишить событие того смысла уникальности и обособленности, который придавал ему Хайдеггер. В таком случае критика Хайдеггером

нигилистического забвения бытия метафизикой как основание для перехода к подлинному онтологическому вопрошанию может пониматься как переходный момент для возникновения пост-хайдеггеровских онтологий постмодерна и деконструкции, в которых, в первую очередь, будет поставлен под вопрос сам дискурс подлинности как отмеченный знаком завершающейся эпохи модерна. Для Деррида, к примеру, сама претензия на единственную подлинность как раз выдает скрывающуюся в ней неискоренимую интенцию неподлинности, что и делает ее объектом деконструктивистской критики.

Рассмотрим подробнее это пограничное состояние хайдеггеровской мысли между онтологическими поисками модерна и их восприятием современной онтологией уже вместе с постмодернистскими онтологическими инновациями. Оговоримся, что под онтологическим постмодернизмом мы здесь будем иметь в виду, прежде всего, деконструктивистскую критику хайдеггеровского онтологического проекта. Критику, которая тем не менее этот проект продолжает, придавая пониманию современности в онтологии существенно пост-хайдеггеровские черты.

Постановка проблемы бытия в фундаментальной онтологии Хайдеггера осуществлялась как критика четырех основных тезисов метафизики о бытии в истории философии. Как пишет сам Хайдеггер в «Основных проблемах феноменологии»: «Разбор этих тезисов должен заодно познакомить нас с феноменологическим способом разработки проблем, относящихся к бытию. В качестве таких тезисов мы выбираем четыре: 1. Тезис Канта: бытие не есть реальный предикат. 2. Восходящий к Аристотелю тезис средневековой онтологии (схоластики): к бытийному устройению сущего относятся чтобытие (essentia) и бытие в наличии (existentia). 3. Тезис онтологии Нового времени: основные способы бытия суть бытие природы (res extensa) и бытие духа (res cogitans). 4. Тезис логики в самом широком смысле: всякое сущее без ущерба для присущего ему способа быть позволяет говорить о себе посредством “есть”» [1, с. 18]. Каждый тезис новой фундаментальной онтологии яв-

ляется результатом критики соответствующего тезиса о бытии в истории метафизики. Так, результатом фундаментально-онтологической критики первого тезиса является выявление онтологической разницы бытия и сущего. Критика второго тезиса приводит к обнаружению особого сущего, «вот-бытия», *Dasein*. В критике третьего и материализм, и идеализм подводятся под единое метафизическое основание, подлежащее онтологическому пересмотру, критика четвертого соотносит вопрос об истине с присутствием спрашивающего в собственном бытии.

Современная онтология постмодерна и деконструкции каждый из этих вновь полученных четырех тезисов фундаментальной онтологии Хайдеггера, в свою очередь, подвергает критике. Различие между бытием и сущим рассматривается уже не с точки зрения преимущества бытия, а с позиции онтологического приоритета универсального принципа различия как над сущим, так и над бытием. Аналитика *Dasein* второго тезиса подвергается критике как логоцентрическая метафизика присутствия. Единое метафизическое основание третьего тезиса критикуется с позиций невозможности признания только одного начала или основания. И, наконец, истина в онтологии связывается уже не с присутствием спрашивающего, а с диапазоном означивания бытия в языке.

Подобная «критика критики» показывает, что онтология Хайдеггера является переходной между так называемой «до-хайдеггеровской» («метафизической») онтологией и современной, «пост-хайдеггеровской» онтологией, ставящей под сомнение возможность, да и необходимость «преодоления метафизики». И если критика метафизики фундаментальной онтологией вполне вписывается в концептуальные границы модернизма, то критика самой фундаментальной онтологии осуществляется уже за пределами модернизма и может быть охарактеризована как постмодернистская.

В таком представлении постмодернизм – это отнюдь не то, что автоматически наступает вслед за модернизмом, по крайней мере в онтологии, потому что многие философы, которые хронологически писали свои работы после Хайдеггера, либо продолжали онтологический дискурс модерна, как Т. Адорно, Х.-Г. Гадамер или Ю. Хабермас, либо вообще не дошли до модерна. Смысл постмодернистского подхода к философии открывается только после прохождения определенных этапов модерна, в частности, для деконструкции хайдеггеровское отождествление философии с онтологией является одной из необходимых точек отсчета. Если же эти этапы не проходить или же пытаться продлевать в стиле

«незавершенного проекта» Хабермаса их до бесконечности, то, к примеру, останавливаясь на Адорно, Хайдеггере и Витгенштейне, мы вполне можем счесть, что постмодерн это некое окраинное явление на границах модерна, и модерн не только не закончился, но и продолжается. И тогда в современности ничего кроме модерна нет, ведь, в конце концов, модерн – это тоже современность.

Таким образом, в случае с модерном и постмодерном перед нами предстают два типа современности, разделяемых своим отношением к истории. В модерне очень сильна связь современности и истории, настолько, что можно говорить, в духе Бодрийяра, о своего рода «эвклидовой геометрии» линейной истории, продолжающей себя в будущее. Здесь можно вспомнить ницшеанского «философа будущего» или хайдеггеровскую надежду на понимание его текстов через несколько столетий. Постмодерн же понимает историю нелинейно, смешивая разные исторические пласты, допуская обратимость исторической герменевтики, возможность начинать историю с любого места в рамках преодоления модернистского мифа об абсолютности начала и необходимости возвращения к этому началу, что хорошо заметно у Ф. Ницше и Хайдеггера в их подчеркивании роли досократиков. В модерне эта фигура возвращения, наряду с осознанием необходимости, содержит не менее сильное ощущение невозможности этого возвращения, что открывает путь для философского осмысления нигилизма.

Вопрос о нигилизме вслед за Ницше с новой силой поднимает в своем позднем творчестве Хайдеггер, начиная с курса лекций о Ницше в 1930–1940-е гг., где эта проблема ставится, и заканчивая публикацией «Европейского нигилизма» в 1967 г. Осмыслению нигилизма Хайдеггер придает ключевое значение: нигилизм становится судьбой сущего, судьбой онтологии. В традиции Хайдеггера, точнее в ницшеанско-хайдеггеровской традиции, нигилизм неизбежен, нигилизм становится судьбой сущего, судьбой Европы, судьбой мышления.

Однако здесь можно задать встречный вопрос: не является ли подобное понимание нигилизма замкнутым исключительно внутри парадигмы модерна, возможна ли онтология за пределами нигилизма и так уж ли неизбежен нигилизм?

Положительный ответ на этот вопрос возможен именно вне измерения модернизма как с позиции немодернистского, так и с позиции постмодернистского взгляда на вещи. Примером первого может служить философия А. Ф. Лосева,

который обращается к столь не любимому Ницше и Хайдеггером платонизму, примером второго – деконструкция Ж. Деррида.

В качестве альтернативного проекта платонизм, в той его форме, над которой размышлял Алексей Федорович Лосев, вполне может служить «лекарством» от модернистского «переворачивания платонизма», помогающим задать вопрос о причинах постулируемой у Хайдеггера исторической неизбежности нигилистической интерпретации бытия. Одно дело, когда мы исходим из того, что послание бытия, которое открывается мыслью, «изначально», т.е. с самого начала метафизики является нигилистическим. Другое дело, когда мы вообще не исходим из этой парадигмы. И тогда то, что кажется само собой разумеющимся в хайдеггерианской перспективе, с точки зрения Лосева таковым вовсе не выглядит. Отсюда вопрос о нигилизме, о смысле нигилизма и о том, каким образом можно этот нигилизм, если не преодолеть (поскольку нет смысла преодолевать нигилизм, если это не нигилизм внутри собственного мышления), но посмотреть на него другими глазами. Слабостью философии Хайдеггера, открывающей возможность критики его онтологических позиций, здесь становится опора на Аристотеля при почти полном игнорировании платонизма. Как раз этим и воспользовался Лосев для обоснования своего видения онтологической современности.

Термин «онто-историзм», который в свое время Карл Лёвит употребил для обозначения сущности хайдеггеровского взгляда на философию, вполне коррелирует с введением проблематики нигилизма в область онтологии. Еще Ницше в работе «Сумерки кумиров, или Как философствуют молотом» рисует картину поэтапного вытеснения истины на периферию или деградации истины, т.е. истина не развивалась с течением времени, как полагал тот же Гегель, а, наоборот, деградировала от форм первоначального заблуждения (по Ницше, начиная от форм сократического и платоновско-аристотелевского заблуждения) вплоть до позитивизма, принимая на разных этапах метафизики формы усиливающегося нигилизма. Лосев не соглашался с подобной трактовкой вопроса просто потому, что понимание, будто истина имеет свои этапы развития, тоже является для философии отнюдь не обязательным. В конце концов, открытие историчности истины это тоже определенный этап, который начинается от эпохи романтизма и философии Гегеля и заканчивается, собственно, хайдеггеровской мыслью.

Критике историчности истины близка и деконструкция, которая ставит под сомнение поня-

тие истории и все онтологические предпосылки, которые исходят из того, что история является частью онтологии. Вполне возможна онтология без истории – вот о чем говорит деконструкция. В эстетике понятие историзма прочно связано с понятием модерна: модерн самоисторизируется, и историзирует действительность: в этом смысле модерн начинается даже не с учеников Гегеля, как считает Хабермас, а с самого Гегеля.

Модерн – это ощущение того, что мы находимся в потоке истории, что истина сопровождает поток истории, что она находится не вне истории, как у Платона, Аристотеля и даже еще у Канта, но обнаруживается именно в потоке истории. И марксизм, и даже позитивизм, который следит за видоизменениями научного знания в истории, – это отражение онто-исторической точки зрения. Но, подчеркнем еще раз, это не единственно возможная точка зрения. И в самом деле, точно так же, как Хайдеггер критикует метафизику, можно критиковать уже самого Хайдеггера с точки зрения той же метафизики. Хайдеггер исходит из фундаментального онтологического различия между бытием и сущим и стремится показать, показывает, что характерное для метафизики отождествление бытия и сущего является недостаточным, и вследствие этого необходимо их различать. Но, с другой стороны, почему бы не сделать обратный ход, не последовать за Платоном и Аристотелем в их отождествлении бытия и сущего и посмотреть, чем, с такой точки зрения, будет выглядеть философия тех, кто пытался преодолеть метафизику? Тогда как раз философия Хайдеггера предстанет проявлением нигилизма.

С этой точки зрения главным аспектом нигилизма в онтологии является, по сути дела, утрата архитектоники познания: платонизм и аристотелизм выстраивают познание сущего исходя из аналогии, поэтапного, аналогического познания, причем эти этапы связаны с мышлением и не зависят от истории поисков истины. С точки зрения Ницше или Хайдеггера, истину, о которой говорят платонизм и метафизика, вообще познать невозможно, можно лишь пребывать при ее историческом свершении, каждый этап которого открывает только одно исторически обусловленное явление истины бытия. Как отмечает С. М. Малкина, «Хайдеггер исходит из того, что сам по себе вопрос о преодолении метафизики историчен, он возникает в конкретную эпоху. Поэтому вопрос о сущности и преодолении метафизики требует бытийно-исторического осмысления, рассмотрения истории отношения бытия и философии. Вообще история нигилистического развертывания метафизики совпа-

дает у Хайдеггера с историей бытия, где самым существенным из вопросов является вопрос об истине» [2, с. 67]. Следствием такого понимания истины является то, что вне онто-исторического измерения истина как таковая для онто-историзма просто не существует. Нам может быть доступна только некая историческая редакция истины в «послании» бытия.

Гегель объявил свою редакцию окончательной, но, естественно, что она не была таковой и не могла ею быть в силу самой онто-исторической логики мышления, которая превосходила даже логику Гегеля. В онто-историзме после Гегеля происходит последовательное разрушение структуры анагогического познания в онтологии. Если познание истины бытия у Платона, Аристотеля и даже еще у Гегеля имеет ряд последовательных «уровней» восхождения, у Ницше оно пребывает исключительно в плоскости метафизического заблуждения. Истина, по Ницше, постигается через мгновенный акт ее осознания. Примером этому служит афористичный стиль, поскольку афоризм нацелен как раз на мгновенный акт осознания и понимания. Дальше – собирание «мозаики» мгновенных актов осознания, прочерчивание линий, то, что Ницше называет «перспективизм». Но перспективизм был еще у Платона и Аристотеля, где он рассматривался как предварительный набросок мысли. То, что было предварительным для мысли Платона и Аристотеля, у Ницше становится окончательным. Отсюда притязание онто-историзма на тотальную смену стиля философии.

Философия постмодерна, во многом отталкиваясь от модернистской критики прежней онтологии у Ницше и Хайдеггера, осуществляет добавочную критику онто-исторических оснований. В этом плане они выходят за пределы онто-историзма, а значит и нигилизма, который в онтологии связан именно с онто-историческим пониманием сущности. Например, когда я задаю простой вопрос «что это?» и отвечаю «ваза», я указываю на метафизическую сущность, согласно Аристотелю. А если на вопрос «что такое ваза?» я начинаю онто-исторически отвечать, как ваза возникла – об изначальности вазы, затем начинаю говорить о том, что ваза прошла определенный этап формирования, я подменяю вопрос «что это такое?» на онто-историческое освещение вопроса. И в результате это приводит к нигилизму именно в отношении сущности.

Чем отличается понимание сущности в онто-историзме? Сущность никогда не дана, она всегда становится, всегда находится в состоянии собственного исторического становления, т.е.

истина, по сути, никогда невозможна. Онто-историзм, в конечном итоге, превращается в софистику. А часто обвиняемая в софистике деконструкция, с этой точки зрения, наоборот, через критику софистики стремится обнаружить основополагающие условия философствования.

Существует хороший тезис, который предложил в свое время Жан Бодрийяр, что метод исследования, чтобы быть адекватным, должен соответствовать своему объекту. Это означает, что не существует независимых от объектов методов исследования, равно как нет и самостоятельных объектов, существующих вне соответствующей методологии их рассмотрения. Если мы исследуем Канта, мы должны, что называется, инфильтроваться внутрь кантовской мысли, находить траектории смыслов, которые пронизывают текст Канта. Если мы изучаем Платона или Хайдеггера, то мы должны делать то же самое, но уже применительно к Платону или к Хайдеггеру. Отсюда философия постмодерна и деконструкции делает вполне закономерный вывод: не существует единого онто-исторического движения мысли, будь то гегелевское завершение философии либо ницшеано-хайдеггеровский нигилизм, поскольку сам концепт модернистского совпадения онтологии и истории как раз и ставится под сомнение: существуют лишь разные дискурсы самоисторизации.

Я не буду говорить сейчас об онтологической эстетике постмодерна, о том, как это связано с Джойсом, с его романами – и с «Улиссом», и с «Поминками по Финнегану», о чем много писали еще Ж. Деррида и У. Эко. Но в целом в онтологии современность образуется единым дискурсивным пространством модерна и постмодерна, которые в этом пространстве спорят, пересекаются и взаимодействуют между собой. Но, с другой стороны, проблема современности в том, что если мы посмотрим на современное мышление, то оно пытается идти дальше, за пределы постмодерна, хотя современная философия пока и не определилась, что это может означать. Тут возникает такая же дилемма, как в случае с модернизмом: либо постмодернизм все же заканчивается, и тогда возникает вопрос о том, как может закончиться его вовсе не предусматривающий конца «трансфинитный универсум», либо он продолжает расширять свои границы. Хотя понятно, что проект постмодерна может оказаться несостоятельным именно при отсутствии позитивного противовеса собственной критике модернизма, отсутствии своего рода положительной динамики, возможности которой исследуются, пожалуй, только в деконструкции Деррида.

Подведем некоторые итоги: философия постмодерна, или онтология постмодерна (причем уже не только у Деррида) – это выход за пределы исторического измерения с его тесной связью онтологии и истории. Речь уже не может идти о том, что когда-то был Платон, а мы развились настолько, что оставили его далеко позади и теперь вместе с Ницше и Хайдеггером входим в новую онто-историческую эпоху, поскольку Платон преодолен или Ницше как последний метафизик преодолен. Деконструкция пробуждает философию от онто-исторического сна, онтология становится постисторической. Исчезает цель логоцентрического конструирования

единого смыслового поля истории онтологии. И если онтологический модернизм ставит вопрос об обретении смысла бытия – нужно осмелиться сделать и следующий ход: увидеть, что он больше, чем один.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001. 448 с.
2. Малкина С. М. Преодоление метафизики и судьба бытия в философии М. Хайдеггера // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 1. С. 66–77.

Образец для цитирования:

Косыхин В. Г. Хайдеггер, нигилизм и завершение онто-исторического проекта модерна // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 393–397. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-393-397.

Heidegger, Nihilism and Completion of the Onto-Historical Project of Modernity

Vitaliy G. Kosykhin

Saratov State University

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: Kosyhinvg@rambler.ru

The article considers the difference between the philosophical projects of modernism and postmodernism through an analysis of the notion of onto-historicity as characteristic of the modernist type of ontological thinking. It is asserted that Heidegger's philosophy of being acts as a boundary condition between ontological searches of modernity and their perception by modern ontology, which determines its significance. Heidegger's critique of the theses of being in classical ontology and the criticism of fundamental ontology by the philosophy of postmodernism and deconstruction is analyzed. The interrelation of onto-historicism with the treatment of nihilism in the philosophy of F. Nietzsche and M. Heidegger is shown. The specifics of the modernist and postmodern types of attitudes toward the history of philosophy, nihilism and overcoming metaphysics is revealed. Thus, in the case of modernism and postmodernism, we are faced with two types of modernity, shared by

their relation to history. In modernism we are talking about a kind of "Euclidean geometry" of linear history, continuing itself into the future. Postmodernism understands history nonlinearly, mixing different historical layers, allowing the opportunity to begin history from any place in the framework of overcoming the modernist myth of the absoluteness of the beginning. The present state of philosophy is understood as the situation of the completion of the onto-historical project of modernity.

Key words: nihilism, onto-historicism, modernism, postmodernism, deconstruction.

References

1. Heidegger M. *The basic problems of phenomenology*. Bloomington & Indianapolis, 1988. 432 p. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Osnovnye problemy fenomenologii*. St. Petersburg, 2001. 448 p.).
2. Malkina S. M. Preodolenie metafiziki i sudba bytiya v filosofii M. Khaydeggera [Overcoming metaphysics and destiny of being in M. Heidegger's thought]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University], 2011, vol. 153, no. 1, pp. 66–77 (in Russian).

Cite this article as:

Kosykhin V. G. Heidegger, Nihilism and Completion of the Onto-Historical Project of Modernity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 393–397. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-4-393-397.